

Е.Н. Басовская

Благополучие и Дьявол

Начало XX века — самый благополучный период в жизни Бунина. Он много писал и постоянно печатался, обеспечивая себе долгожданное материальное благополучие. Ему была дважды присуждена Пушкинская премия Российской Академии наук, и в 1909 году он стал почетным академиком. Значительные гонорары и премии позволили ему совершить несколько путешествий, как в Европу, так и на Восток — в Северную Африку и на Цейлон.

Для положения Бунина в литературе немало значила поддержка со стороны Горького. Их объединяло, в частности, решительное неприятие декадентства. Бунин со ссылкой на Толстого называл модернистское искусство «пересоленной карикатурой на глупость», «и на величайшую вычурность, и на величайшее бесстыдство, и на низменную лживость!»

Упрек в лживости исключительно важен. Бунин был сторонником литературы честной, честной во всех отношениях — от проблематики до стиля. Он одинаково противился искажениям действительности и искажениям языка бездушными формальными экспериментами. Правда жизни, рассказанная скупыми, ясными словами — этот чеховский идеал являлся для Бунина непререкаемым.

Таким подходом во многом объясняется некоторая нечеткость политической позиции писателя до революции 1917 года. В период, когда общество было пропитано духом политической борьбы и каждому приходилось рано или поздно делать решительный выбор, Бунин воздерживался от каких бы то ни было заявлений, а в художественном творчестве оставался объективным наблюдателем. Некоторые его произведения имели явную антибуржуазную направленность. Но критика носила характер не политический, а нравственный. Не о несовершенстве социального устройства, а о вневременных людских пороках говорил Бунин, с неприязнью изображавший сытый, самодовольный, насквозь лицемерный буржуазный мир.

Один из самых знаменитых рассказов этого направления — «Господин из Сан-Франциско» (1915). Его безымянный герой — немолодой бизнесмен, разбогатевший настолько, чтобы позволить себе респектабельный отпуск. Вместе с женой и дочерью он отправляется в Европу на роскошном пароходе «Атлантида». Пассажиры этого корабля заняты лишь одним — демонстрацией своего богатства. Рассказывая о порядках, царящих на борту судна, Бунин не скрывает сарказма. Особенно показательно упоминание об изящной влюбленной паре, «которая не скрывала своего счастья: он танцевал только с ней, и все выходило у них так тонко, очаровательно, что только один командир знал, что эта пара нанята Ллойдом играть в любовь за хорошие деньги и уже давно плавает то на одном, то на другом корабле».

Точно так же, как насквозь фальшиво чувство «влюбленных», лживо и благополучие господина из Сан-Франциско. Он богат — но одинок и вовсе не счастлив. По-настоящему его ничто не радует: ни общение с женой и дочерью, ни развлечения, которые предлагаются богатым путешественникам. Оставшись один, он «привычно и внимательно» оглядывает «свои короткие, с подагрическими затвердениями в суставах пальцы». Он отправился в эту поездку, чтобы наслаждаться жизнью, но по-настоящему остро чувствует лишь тошноту — симптом морской болезни — и одышку от излишней полноты и переедания.

Внезапный припадок господина из Сан-Франциско в отеле на острове Капри становится досадным эпизодом в размеренном, благополучном существовании мирка избранных:

«Через четверть часа в отеле все кое-как пришло в порядок. Но вечер был непоправимо испорчен. Некоторые, возвратясь в столовую, дообедали, но молча, с обиженными лицами, меж тем как хозяин подходил то к тому, то к другому, в бессильном и приличном раздражении пожимая плечами, чувствуя себя без вины виноватым...»

Никто не горюет о смерти господина, чьего имени не удалось запомнить; никто не сочувствует жене и дочери. Все озабочены одним — как бы скорее замять и забыть этот неприятный эпизод и вновь погрузиться в счастливую беспечность. Поэтому тело умершего тайно, под покровом ночи выносят из роскошного отеля, поэтому гроб везут в черном трюме, подальше от людских глаз. Кажется, будто ничего не произошло, и даже влюбленная пара по-прежнему радуется богатых пассажиров своей наигранной нежностью.

Но Бунин говорит не только о том, сколь отвратителен этот фальшивый, жестокий мир богатых и сытых. Есть в «Господине из Сан-Франциско» и острое чувство тревоги, ощущение приближающейся катастрофы. В начале рассказа автор так описывает движение гигантского парохода:

«По вечерам этажи “Атлантиды” зияли во мраке огненными несметными глазами... Океан, ходивший за стенами, был страшен, но о нем не думали, твердо веря во власть над ним командира... на баке поминутно взывала с адской мрачностью и взвизгивала с неистовой злобой сирена, но немногие из обедающих слышали сирену — ее заглушали звуки прекрасного струнного оркестра...»

Сейчас трудно не понять эти строки как аллегорию. Бунин писал рассказ за два года до октябрьской революции, когда для интеллигенции были уже очевидны знаки ее приближения. «Господин из Сан-Франциско» — притча о том, как старый мир, в беспечном благополучии, движется к катастрофе. Не видя бушующего вокруг грозного океана, не слыша тревожного звука сирены, господа в смокингах и дамы в вечерних платьях продолжают делать вид, что никакой угрозы нет, их мир удобен и вечен. На самом же деле корабль, по словам Бунина, «тяжко» одолевает «мрак, океан, вьюгу»; а со скал Гибралтара за ним следит Дьявол. Дьявол, который в конце концов разрушит все это мнимое благополучие.